
НЕФОРМАЛЬНЫЙ РЫНОК ТРУДА В РОССИИ: УХОД ОТ НАЛОГОВ В СИСТЕМЕ МОТИВАЦИЙ И РИСКОВ ЕГО УЧАСТНИКОВ¹

Проблема ухода от налогов вполне заслуженно привлекает внимание не только (а может быть, уже и не столько) практиков, но и исследователей, видящих в пробуксовке налогообложения не фискальную, но сущностную проблему современной России. Это связано с пониманием института налогообложения, как одного из основополагающих признаков государственной монополии на насилие, утеря которой означает не проблему бюджета, а проблему государственности как таковой. Монопольное право на сбор налогов, установление их размеров и процедур взимания, а также контроль за неуклонностью следования этим нормам со стороны подданных — признак сильной государственной власти. Неспособность обеспечить соответствующий контроль, неумение определить пределы легитимных налогов, несанкционированный допуск к взиманию налогов иных субъектов, обладающих силовыми ресурсами, — свидетельство фрагментации государственности².

В последнее время все чаще звучат уверения, что проблема налогообложения решается путем уменьшения тяжести налогового бремени. Это столь же верно *вообще*, сколько неверно *в частности*, из которых и состоит наша жизнь. На наш взгляд, подобное утверждение является не более чем финансовой идеологемой. Чтобы судить о возможностях и желании платить налоги, надо, как минимум, знать мотивацию участников теневых экономических отношений и их субъективную оценку возникающих при этом рисков. Зачастую уход от налогов является не самоцелью, а следствием иной, более сложной конфигурации интересов участников неформальной экономики. Мы предлагаем обсудить лишь одну из многочисленных ипостасей российской неформальной экономики, а именно: природу и условия развития *неформального рынка труда*, включающего в себя фиктивный и теневой рынки. По нашим наблюдениям, распространенность нарушения трудового законодательства вполне сопоставима с сокрытием прибыли, возведенным в статус классики российского бизнеса.

Определим *теневой* рынок труда как сокрытие реально существующих отношений найма, тогда как *фиктивный* рынок труда конституирует желание выдать за реальность отсутствующие в действительности трудовые отношения. Первый случай редуцируется до слов — сокрытие и нерегистрируемая деятельность, второй — приписки и неподкрепленная деятельностью формальная отчетность.

Каковы наиболее распространенные формы проявления фиктивного и теневого рынков труда в современной России? Какова система выигрышей и рисков их участников? Каков социальный контингент этих рынков? В какой степени сочетаются калькулируемые и ценностные основания нарушения трудового законодательства? Этим вопросам посвящена данная работа*.

Фиктивный рынок труда

Не следует думать, что фиктивное трудоустройство — открытие постсоветского периода. Эта практика была присуща советской системе как следствие тотальной вмененности права на труд. Страх репрессий за тунеядство и моральная неприемлемость туманности трудовой биографии обуславливали поиск фиктивного работодателя, для которого, в свою очередь, фиктивный найм

---

¹ Работа выполнена в рамках международного коллективного проекта «Неформальная экономика городских и сельских домашних хозяйств: реструктурирование сетей межсемейного обмена» (при поддержке INTAS, № 97-21457, руководители — Т.Шанин и В.Радаев).

² В. Волков Монополия на насилие и скрытая фрагментация Российского государства: исследовательская гипотеза // Полис, 1998, № 5.

* В работе использованы материалы статьи: Барсукова С. Фиктивный и теневой рынки труда в современной России // Pro et Contra. 2000. Том 5. Вып. 1.

был данью тотальному дефициту рабочей силы. Однако рынок изменил логику этой практики в результате *трансформации мотивации* ее участников.

Отметим, что под фиктивным рынком труда мы понимаем не всякое искажение отчетности, а лишь то, которое осуществляется сознательно в целях извлечения определенных выгод. В этом смысле многомиллионная армия находящихся в административных отпусках рабочих простаивающих промышленных предприятий не является объектом нашего анализа¹. Их присутствие в сводной статистике, безусловно, ведет к неадекватности отчетных статистических показателей, однако не является примером фальсификации как способа запуска сложной системы взаимных рисков и выгод участников фиктивной сделки (если только не понимать под выгодой нечто абсолютно безразмерное). К тому же виртуальная занятость находящихся в административных отпусках работников является не столько результатом определенных *действий* работодателя, сколько продуктом его *бездействия* и нерешимости в проведении кадровой политики. "Консервация" находящихся в административных отпусках работников осуществляется в надежде на изменение рыночной ситуации, то есть, в конечном счете, обусловлена планами на реальную работу в обозримом будущем. Фиктивный же рынок труда основан на фальсифицированном трудоустройстве, когда выгоды участников сделки связаны именно с отсутствием работы.

В каких же формах проявляется фиктивный рынок труда в современной России? Какова система выигрышей и рисков его участников? Какова история этих отношений?

На заре рыночной реформы важным фактором, интенсифицирующим практику фиктивного трудоустройства, явилась массовая дезорганизация правил кадрового учета. В начале 90-х годов в обществе преобладало представление о рынке как отрицании всего, что было свойственно "жизни при социализме". Учитывая, что трудоцентристская модель советского строя чуть ли не канонизировала понятие трудовой книжки, легко понять логику качнувшегo маятника: внимание населения к документальному отражению трудовой миграции (в т.ч. с помощью записей в трудовой книжке) было существенно снижено. В формально нерегистрируемой занятости находили подтверждение "рыночных свобод", что питало настроение рыночной эйфории. Помимо бравады, нерегистрируемая занятость опиралась на извечную нелюбовь россиян к разного рода "бумажным процедурам".

Важнейшими причинами забвения трудовых книжек явились, на наш взгляд, три обстоятельства. Во-первых, информирование населения о принципиальной неизменности принципов пенсионного обеспечения не стало элементом государственной информационной политики. Во-вторых, инфляция начала 90-х резко актуализировала вопрос *зарабатывания* средств существования, что зачастую решалось за счет совмещения нескольких работ; навыков регистрации вторичной занятости население практически не имело, что привело к массовому игнорированию юридического оформления таких видов деятельности. В-третьих, работа в частном секторе была настолько новым явлением, что представления об ее формальном оформлении были крайне расплывчатыми.

Со временем пришло понимание, что отмена трудовых книжек не входит в планы реформаторов. С этого момента начинается бум по *"проставлению штампов в трудовые"*. Население вышло на массовый промысел: поиск структур, которые за определенное вознаграждение смогут задним числом "смоделировать" пропавшее звено трудовой биографии. Впрочем, ретроспективным аспектом дело не ограничивалось.

Стремление "положить трудовую книжку" в какую-либо организацию, а не отражать в ней реальную траекторию своей судьбы может быть результатом многих обстоятельств. Во-первых, стратегия выживания зачастую базируется на деятельности, не имеющей официального статуса "работы". Это может быть труд в домашней экономике, самозанятость и т.д. Во-вторых, трудовые биографии все чаще складываются не из монолитных блоков, а из мозаичных эпизодов, что затрудняет адекватность их отражения с формальной точки зрения и повышает субъективную ценность стабильного фиктивного трудоустройства. В-третьих, бюрократизация получения статуса "безработного" (а в ряде случаев и его моральная неприемлемость) провоцирует ситуацию поиска фиктивного работодателя в ситуации фактической безработицы. В-четвертых, разнообразные личные обстоятельства могут подвести к необходимости фиктивного трудоустройства ("зарабатывание" юридического стажа для поступления в соответствующий вуз, "моделирование" педагогического стажа для получения научного звания

---

¹ По ряду оценок, трудоизбыточные предприятия составляют в России две трети промышленных предприятий. – См.: *Московская А.* Избыточная занятость на промышленных предприятиях России: pro et contra // Вопросы экономики. 1998. №1.

и т.д.). Таким образом, не маниакальная тяга к нарушению закона, а обыкновенные жизненные коллизии определяют структуру мотивов фиктивных работников.

Какова же мотивация работодателя? Можно выделить два очевидных и подлежащих прямой калькуляции основания для фиктивного трудоустройства. Первое: зависимость льготной формы бухгалтерской отчетности от численности принятых в штат работников².

Соответственно, посредством регулирования численности предприниматель может войти или выйти из числа использующих эту льготу³. Второе: стремление работодателей получить право на льготное налогообложение в результате социальной специфики принимаемых на работу (инвалиды, воины-интернационалисты и т.д.). Начисляемая им зарплата и соответствующие отчисления в бюджет не превосходят суммарного выигрыша, получаемого работодателем в виде налоговых льгот, общественного реноме, публичных претензий на социальную ориентацию бизнеса.

Таким образом, не преуменьшение, а преувеличение численности работников является в данном случае алгоритмом приобретения необоснованных льгот. Экономия достигается не за счет дерзкого сокрытия налогооблагаемых сумм, а за счет неоправданной трансформации процедурных моментов диалога работодателя и государства.

Но не только нацеленность на необоснованные льготы лежит в основе мотиваций работодателя.

Зачастую фиктивный найм практикуется как своеобразная *услуга*, оказываемая узкому кругу "нужных людей" и просто "хороших знакомых". В результате фиктивный найм может носить характер ответной услуги или авансового вложения в создание системы неформальных обязательств. "Дивиденды" в таком случае трудно прогнозируемы и едва ли калькулируемы, что, однако, не умаляет их потенциальной значимости для успеха бизнеса. Таким образом, фиктивный найм имеет как рационально-калькулируемое основание, так и ценностно-некалькулируемую составляющую. Калькулируемая выгода является лишь одним из возможных мотивов действия фиктивного работодателя, который идет на риск для укрепления или создания поддерживающей его неформальной среды.

Впрочем, тесная увязка подобной практики с системой личных знакомств и рекомендаций связана с асимметричностью рисков участников сделки. В случае раскрытия фиктивного найма именно работодатель оплачивает весь шлейф штрафов и санкций, которые за этим следуют.

Работник в данном случае лишь морально порицаем, тогда как работодатель — материально наказуем. Подобная асимметрия рисков предполагает компенсаторный механизм "подстраховки" работодателя посредством рекомендаций, поручительств, родственных или личных связей с трудоустроенными.

Распространенность фиктивного найма как *способа получения необоснованных льгот* зависит от контуров хозяйственного законодательства, следовательно, трансформируется и блокируется законотворческой деятельностью. Распространенность же фиктивного найма как *инструмента выстраивания неформальной сети* личностно-обязанных субъектов определяется более широким спектром причин и восходит к роли неформальных сетей в развитии российского предпринимательства. Учитывая их немаловажное значение, вряд ли стоит надеяться на добровольный отказ предпринимателей от практики фиктивного найма как действенного средства в арсенале средств оказания услуг «нужным людям» путем фиктивного трудоустройства их друзей и родственников.

Теневой рынок труда

Вряд ли найдется в России пара-тройка предприятий, применительно к которым нет оснований говорить о теневых отношениях на их внутреннем рынке труда. Однако следует признать, что масштабность явления не сопоставима со степенью его изученности⁴. И дело не только в

² Напомним, что льготная форма бухгалтерской отчетности предполагает предельно простую форму налогообложения вместо сдачи сложных балансов. В ряде случаев это расценивается предпринимателями как существенное благо.

³ Трудно поверить, но факт: просто заявить о намерении отказаться от льготной бухгалтерской отчетности нельзя до завершения финансового года. Единственный способ – принять новых, в том числе фиктивных сотрудников, чтобы их численность превысила критическую черту.

⁴ Пример анализа теневого рынка труда представляют работы: *Синдякина Е.* Занятость в неформальном секторе экономики // *Экономист.* 1998. №6; *Барсукова С.* Малый бизнес: контуры кадровой политики // *Проблемы теории и практики управления.* 1999. №6. *Барсукова С.* Фиктивный и теневой рынки труда в современной России // *Pro et Contra.* 2000. Том 5. Вып.1; *Перова И., Хахулина Л.* Неформальная вторичная занятость: масштабы, структура // *Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения.* 1997. №6.

трудностях эмпирических замеров теневых процессов, в множественности и динамизме их форм. Существенным препятствием изучения теневого рынка труда является неизбежность его присутствия в нашей жизни, что диктует обыденность его восприятия. Каждодневная практика протестует против ее идентификации как теневой. Однако научная традиция определения теневых отношений апеллирует к институциональным нормам общества, а не к жизненным практикам и ценностным представлениям. Ни в континууме "плохо – хорошо", а на границе отклонения от институциональных норм располагаются процессы теневой природы. Принципиальной характеристикой российского теневого рынка труда является то обстоятельство, что бесправие продавца рабочей силы является не столько результатом сделки, сколько ее условием. Но тогда возникает вопрос: почему эти сделки столь массово практикуемы? Повинуясь какой логике раскручивается маховик теневого рынка труда? Для ответа на эти вопросы последовательно рассмотрим наиболее распространенные в России формы теневого рынка труда, а именно: нерегистрируемый найм, расхождение фактических и формальных условий найма, а также нерегистрируемое предпринимательство.

Бесконтрактный найм

Бесконтрактный найм охватывает, как правило, те слои населения, которые характеризуются наименьшими ресурсными возможностями для отстаивания своих интересов. Речь идет о национальных и религиозных меньшинствах, долговременных безработных, женщинах, низкоквалифицированных рабочих. Поэтизация теневой экономики как «невидимой революции» против бюрократизации хозяйственной практики блекнет на фоне бесправности бесконтрактных работников.

Безусловно, бесконтрактный рынок труда «питается» чрезвычайно широким спектром факторов, однако особое место в российских условиях занимают *потоки беженцев и вынужденных переселенцев*. Фактически в каждом крупном населенном пункте, где наблюдается значительное сосредоточение последних, образуются устойчивые анклавы хозяйственной деятельности, опирающиеся преимущественно на нормы теневого рынка⁵. Это обстоятельство позволяет рассмотреть практику бесконтрактного найма именно на примере вынужденных мигрантов (что не означает неприемлемость этой практики другими группами). Представление о том, что потоки мигрантов создают ресурсную базу и социально-культурные основания теневой экономики, давно стало общепризнанным. В обзорах гипотез, объясняющих возникновение и развитие теневой экономики, редко обходятся без упоминания роли мигрантов⁶. Мнения варьируются от признания миграционных потоков решающим условием развития теневого рынка труда, до отведения им роли значимого, но, скорее, дополнительного фактора. Впрочем, разница оценки вклада мигрантов в развитие теневой экономики зависит от национальной специфики. В одних странах развитие теневой экономики осуществлялось в условиях миграционного штиля, с опорой преимущественно на локальный рынок труда⁷; в других же странах теневая экономика напрямую связана с лавинообразным притоком неустроенных судеб, цепляющихся за жизнь посредством обхода легальных норм хозяйственной практики⁸. Где на этой оси находится Россия?

---

⁵ Тесная связь притока иммигрантов и развития теневой экономики актуализирует дискуссию о помощи беженцам и вынужденным переселенцам на территории России. Однако решение практических вопросов затруднено идеологическими разночтениями целесообразности и обусловленности такой помощи, см.: Барсукова С. Проблемы беженцев и вынужденных переселенцев в зеркале идеологий // Политические исследования. 1999. №5.

⁶ Систематизация гипотез, объясняющих существование теневой экономики, содержится в работе: *Portes, Alejandro and Saskia Sassen-Koob*. "Making It Underground: Comparative Material on the Informal Sector in Western Market Economies". *American Journal of Sociology*. Volume 93 Number 1 (July 1987), pp.30-61.

⁷ Так, ни Италия, ни Нидерланды, ни Великобритания не отмечены иммигрантскими цунами, что, однако, не помешало этим странам создать довольно представительную теневую экономику. Показателен опыт северной Италии, где неформальный сектор развился вне всякой связи с притоком мигрантов. Попытки ослабить профсоюзное движение привело в 60-е годы к курсу на децентрализацию промышленности, что выражалось в налоговых льготах для малых предприятий. Организующие их на субконтрактной основе промышленные рабочие составили предпринимательский костяк неформальной экономики. См.: *Sabel, Charles*. 1982. *The Division of Labor in Industry*. Cambridge: Cambridge University Press.

⁸ Американский вариант развития событий особо наглядно демонстрирует связь теневого рынка труда и притока иммигрантов (*Bach, Robert L*. 1978. "Mexican Immigration and the American State". *International Migration Review* 12 (Winter), pp. 536-58). Эту связь подтверждают и многие страны Латинской Америки, где становление теневой экономики связано с миграционными потоками сельских жителей в города

Если еще десять лет назад жители России жили с образом *провожающих*, то сейчас все чаще они выступают в роли *встречающих*. И уже не в Шереметьевском аэропорту, а на многолюдных вокзалах и пригородных полустанках. Истощенные морально и материально, эти люди пытаются заново наладить жизнь, предлагая взамен лишь умение и желание работать. Но уже первые встречи с российскими работодателями убеждают в проблематичности легального трудоустройства. И дело не в безработице, которая характеризуется превышением предложения рабочей силы, но не отсутствием спроса как такового. Дело, скорее, в специфичности качества рабочей силы мигрантов: их правовая ущербность, статусная рассогласованность и бытовая неустроенность порождают у работодателя одновременно и тревожные ожидания, и радужные надежды. Тревога связана с возможностью приобретения "проблемного" работника; надежда – с возможностью торга вокруг его проблемности. Предметом торга могут быть условия труда, уровень заработной платы, график работы и социальные гарантии⁹.

Почему на эти условия мигранты идут? Потому, что найти работу в легальной экономике для них практически невозможно. Это связано со следующими обстоятельствами. Во-первых, каналы информации обеднены в силу разрушения прежних коммуникационных сетей; во-вторых, непрезентабельный вид и проблемы со здоровьем снижают их шансы на конкурентном рынке труда; в-третьих, «национальная специфика» профессиональных навыков зачастую граничит с их девальвацией (не каждый российский город нуждается, например, в реставраторе мечетей); в-четвертых, неопределенный правовой статус и отсутствие постоянного места жительства делают частокол кадрового учета непреодолимым препятствием для их трудоустройства. В частности, существенно снижает возможности легального трудоустройства одиозный институт прописки, трудность получения которой возрастает с увеличением размера населенного пункта. Впрочем, отсутствие прописки легко обходится работодателями негосударственного толка, что является еще одним аргументом в пользу поиска работы в негосударственном секторе экономики с его обширной практикой теневых отношений. В результате теневой рынок труда становится безальтернативным выбором вынужденного мигранта. С точки зрения работодателя, этот контингент рабочей силы исключительно притягателен ввиду присущей ему высокой трудовой мотивации, а также субъективного восприятия своей бесправности как неотъемлемого атрибута жизни мигранта. Результатом этого становится согласие на работу, от которой отказываются "местные", а также принятие условий труда и режима работы, идущих вразрез с трудовым законодательством. Немаловажным благом является и демонстрация высокой лояльности к работодателю как благодарности за то, что их "взяли".

В результате возникает некоторое подобие молчаливого договора: работник соглашается на все издержки своего нелегального трудового статуса в обмен на готовность работодателя закрыть глаза на маргинальность его положения.

В основе такого договора лежит *система выигрышей и взаимных рисков*. Так, работник рискует суммой заработанного, полная или частичная невыплата которой является проходным местом бесконтрактного найма. Не меньший риск связан и с отсутствием социальных гарантий, что резко актуализируется в случае пошатнувшегося здоровья или рабочего травматизма. В этом смысле для работника бесконтрактный найм подобен хождению по минному полю. Но и работодатель при такой системе отношений идет на определенный риск. Риск работодателя не ограничивается потенциалом угроз, исходящих от налоговых и правоохранительных ведомств. Отметим, что инициация проверок самими бесконтрактниками крайне маловероятна в силу безальтернативности их трудоустройства. Гораздо больший риск связан с краткосрочностью их трудовой мотивации. Это проявляется в низкой ориентации на бережливое отношение к технике, на соблюдение технологических норм, в равнодушии к формированию сетей постоянных клиентов. Упущенная выгода и прямые убытки, потенциально проглядывающие за краткосрочностью трудовой мотивации работника, формируют поле рисков работодателей. Вместе с тем работник имеет шанс заработать на жизнь, а работодатель — сэкономить на издержках, связанных с легализацией отношений трудового найма. Чем более сомнительны правовые и социальные характеристики работника (отсутствие российского гражданства, потеря трудовой книжки и профессиональных сертификатов, плохое знание русского языка и т.д.), тем менее он ориентирован на борьбу за легализацию своего рабочего статуса, что смыкается с

(Эрнандо Де Сото. Иной путь. Невидимая революция в третьем мире. Пер.с англ. Б.Пинскер. – М.: Catallaxy, 1995).

⁹ Эта точка зрения имеет эмпирическую верификацию: *Витковская Г.* Вынужденные мигранты из новых независимых государств на российском рынке труда. -В сб. Миграция и рынки труда в постсоветской России / Под ред. Г.Витковской. – М., 1998. (Науч.докл. / Моск. Центр Карнеги; Вып.25).

желанием работодателя иметь «дешевую рабочую силу» в ситуации риска возможных последствий такой практики.

Важно отметить *этническую сегрегацию* пространства бесконтрактного найма. Как правило, вакуум государственной помощи при поиске работы компенсируют так называемые землячества. Они выполняют компенсаторную функцию разорвавшихся в результате переезда сетей родственных и дружеских коммуникаций. Такие землячества могут быть официально зарегистрированы как общественные организации, но чаще являются неформальными и спонтанными сгустками оказавшихся в беде людей. Состав их быстро меняется, формы поддержки — ситуативны. В их рамках циркулирует информация о наиболее удачных алгоритмах решения первостепенных проблем, об этническом зонировании рынков. Однако, как правило, землячества не ограничиваются ролью информационного канала, но и выполняют функцию пополнения трудовых резервов той сферы деятельности, где позиции землячества наиболее прочны. Вновь прибывшие, вливаясь в отвоєванные землячеством сегменты трудового рынка, питают их свежими силами, помогая тем самым сохранить этническую или местничковую маркировку этих сегментов¹⁰.

Бесконтрактный найм зачастую охватывает виды деятельности, которые характеризуются либо сезонностью (строительство дач, ремонт дорог), либо апелляцией к определенным физическим данным (грузчики, носильщики, строители), что ведет к сезонной нестабильности работ и крайне неравномерным шансам подобной модели трудоустройства в разрезе гендерных и возрастных групп.

В целом бесконтрактный найм является наиболее неприкрытой формой игнорирования социальных норм трудоустройства в целях экономии издержек работодателя на оплату труда. *Прямая* экономия достигается за счет относительно заниженной оплаты труда социально бесправного контингента, *косвенная* экономия связана с отсутствием соответствующих отчислений в бюджет. Повышенная рискованность подобной практики для работодателя компенсируется ее прибыльностью, тогда как аргументами ее принятия для работника является отсутствие иных шансов трудоустройства. В результате устанавливается практика ценового демпинга на рынке труда, что вызывает дополнительную конфликтогенность в отношениях мигрантов и "местных"¹¹. Отношение к мигрантам четко дрейфует от пассивно-игнорирующего до активно-препятствующего.

Расхождение фактических и формальных условий найма

Теневой рынок проявляется также в *расхождении фактических и формальных условий найма*. Это могут быть вмененные в обязанность без изменения контрактного соглашения послеурочные, работа по выходным, совместительство и т.д. Но наиболее распространенной формой является *несоответствие начисляемой и выплачиваемой заработной платы*. Это, казалось бы, чисто бухгалтерское несоответствие имеет массу существенных последствий.

Во-первых, всевозможные отчисления (в пенсионный фонд, в фонд социального страхования и т.д.) производятся исключительно с формальных заработков. Эти проблемы актуализируются при выходе на пенсию: многие высокооплачиваемые специалисты частного сектора не могут претендовать на максимальный размер и без того символической пенсии. Кстати, одно из объяснений повсеместного нежелания фирм нанимать работников предпенсионного возраста лежит именно в этой плоскости: от молодых с большей вероятностью можно ожидать лояльное отношение к теневому характеру вопросов оплаты труда, поскольку вопросы пенсии их пока не волнуют.

Во-вторых, отношения работника и работодателя заметно персонифицируются. Это уже не простое взаимодействие статусных и профессиональных позиций, а окрашенный личностным отношением добровольный альянс по игнорированию норм хозяйственного права. Не будет преувеличением сказать, что этот альянс носит ценностный характер. При всей противоречивости интересов нанимаемого и нанимателя, возможность такого альянса свидетельствует об области пересечения ценностных систем этих групп. Речь идет о

---

¹⁰ Показательна в этом смысле монополия таджиков на работу грузчиков Черкизовского рынка г.Москвы, для удержания которой поезд "Душанбе – Москва" встречают представители землячества и прямо на вокзале совершают «вербовку» беженцев, чей возраст и физические данные позволяют выполнять работу грузчиков. Аналогичным образом совершается «добор» обслуживающего персонала многочисленных национальных кухонь, строительных бригад и уличных торговцев.

¹¹ Страсти нагнетают и масс-медиа. Характерен подзаголовок: "Работу у москвичей отнимают приезжие с согласия властей" (*Е.Кибальник. Город строят и обустривают нелегалы // Москва (приложение к АиФ). 1999. №34*).

принципиальной приемлемости утаивания доходов от налогообложения как своеобразной мести государству, а также о рутинизации практики нарушения контрактных условий.

В-третьих, получая сумму, отличную от фиксируемой в ведомости, работник получает подтверждение своим предположениям о “двойной бухгалтерии” работодателя. С этого момента между ними устанавливаются весьма непростые отношения, которые можно определить как *корпоративный альянс* нанимателя и нанимаемого против государства¹². Разницу фактической и формальной оплаты труда можно интерпретировать как своеобразную “долю” работника в нелегальных доходах работодателя. Соответственно, они становятся участниками одной игры, хотя и не равноправными.

Неравноправие касается не столько области выигрышей, сколько области рисков. Участие в подобных отношениях законодательно наказуемо лишь для работодателя. Что касается работника, то он не подвержен даже моральному осуждению ввиду укоренившейся еще в советские времена традиции бытовых диверсий против государства. Пореформенный период укрепил это настроение эмоциональной обидой на социальную цену, оплаченную “дорогими россиянами”. В ситуации столь несимметричных рисков, работодатель попадает в фактическую зависимость от лояльности работников, что делает неизбежным дальнейшую эскалацию логики их долевого участия в распределении сокрытой прибыли. Впрочем, не будем преувеличивать степень зависимости работодателя, поскольку она компенсируется “встречной” зависимостью работника, доходы которого не имеют устойчивого основания в виде контрактного соглашения. Таким образом, система компромисса между ними держится на возможности работодателя произвольно регулировать доход работника, ограничителем чего выступает потенциальная опасность, таящаяся в информированности работника.

Нам еще только предстоит осознать урон, наносимый правосознанию подобной практикой. Расхождение реальных и контрактных прав работников является рыночным вариантом советской практики двойных стандартов — декларируемых и соблюдаемых. Рынок, апеллирующий к рационалистской либеральной идеологии, казалось бы, должен строиться на принципах калькулируемой честности. Однако в условиях, когда по сумме экономических и нравственных критериев нарушать закон оказывается выгоднее, чем его соблюдать, общим контекстом диалога с государством становится *компромисс*: государство не настаивает на выполнение законодательных норм в обмен на согласие подданных не заострять внимание на их неразумности.

Впрочем, пренебрежение к контракту отчасти восходит к специфически национальному пафосу игнорирования бумажных процедур. Стремление “ударить по рукам” трактуется как мужественно-русский тип бизнеса¹³. Подобное восприятие формирует представление о воспитанности и этике деловых коммуникаций. Внимательное прочтение подписываемой бумаги зачастую блокируется опасениями прослыть педантом. Подобное отношение создает культурную среду развития неформальных практик делового общения. Прежде чем перейти к обсуждению практики нерегистрируемого предпринимательства, систематизируем вышесказанное. Общим основанием для сравнения рассмотренных выше форм фактивного и теневого рынков труда является наличие фигуры продавца и покупателя рабочей силы, взаимодействие между которыми проходит в системе взаимных выигрышей и рисков.

	Фиктивный найм	Бесконтрактный найм	Расхождение фактических и формальных условий найма
Сущность	отсутствие работы, предусмотренной контрактом	отсутствие контракта при наличии работы	несоответствие работы условиям контракта
Риск работника	моральное порицание при раскрытии фальсификации	полная или частичная невыплата заработанного, отсутствие каких-либо социальных гарантий	лишение сверхконтрактных доходов и бонусов

¹² Эта же точка зрения представлена в работе: Радаев В. О социальных компромиссах и теневой экономике. – В сб. Куда идет Россия?.. Кризис институциональных систем: век, десятилетие, год / Под общ. ред. Т.И.Заславской. – М.: Логос, 1999.

¹³ Отсутствие должного внимания к контрактной стороне деловых сделок и упование на неформальную практику делового сотрудничества имело серьезные последствия осенью 1998 года, когда отсутствие механизма контрактных исков привело к массовым предпринимательским фиаско. См.: Барсукова С. Август 1998 года и отечественное предпринимательство // Pro et Contra. 1999. Том 4. Вып.2.

	<i>Фиктивный найм</i>	<i>Бесконтрактный найм</i>	<i>Расхождение фактических и формальных условий найма</i>
Риск работодателя	аннулирование льгот при обнаружении фальсификаций. Инициация проверок фиктивными работниками маловероятна в силу восприятия фиктивного трудоустройства как проявление бескорыстной помощи работодателя	а) штрафы в случае обнаружения. Минимальные шансы инициации проверок работниками, не имеющими альтернативных возможностей трудоустройства б) упущенная выгода и прямые убытки в результате краткосрочной трудовой мотивации работников	штрафы в результате проверок, инициация которых работниками как свидетелями и соучастниками противоправных действий не исключается
Выигрыш работника	"моделирование" трудового стажа в ситуации безработицы, множественной или эпизодической занятости, а также при деятельности, не имеющей статуса "работы"	возможность заработать при отсутствии иных шансов на трудоустройство	участие в теневой прибыли как плата за лояльное отношение к теневой деятельности работодателя
Выигрыш работодателя	а) приобретение необоснованных <i>льгот</i> в диалоге с государством за счет завышения численности работников или фальсификация их социальной специфики б) выстраивание <i>неформальных сетей</i> посредством фиктивного трудоустройства "нужных людей" и их окружения	экономия на оплате труда: <i>прямая</i> – за счет относительно заниженного заработка "проблемного" контингента, <i>косвенная</i> – за счет отсутствия отчислений в бюджет	экономия на налоговых отчислениях
Основной контингент	Домохозяйки, нерегистрируемые предприниматели, безработные, льготные группы (инвалиды, трудные подростки и т.д.), "нужные люди" и их окружение	вынужденные мигранты, длительные безработные, представители дискриминируемых групп (этнические и религиозные меньшинства, женщины и т.д.)	работники преимущественно частных коммерческих предприятий

Нерегистрируемое предпринимательство

Значительный сегмент теневого рынка труда представляет *нерегистрируемое предпринимательство*. Бесконтрактность в этом случае носит тотальный характер, равно присутствуя в отношениях и с работниками, и с государством. Впрочем, значительный сегмент нерегистрируемого предпринимательства не предполагает отношений найма. Речь идет об индивидуальном нерегистрируемом предпринимательстве или *самозанятости*.

Образ бабушек, взывающих купить "даме цветочки", настолько обыденен и привычен, что даже неловко подводить его под нерегистрируемое предпринимательство. Согласимся, что общественное сознание не просто не порицает, но полностью реабилитирует всевозможные стратегии выживания. Данное обстоятельство вновь подводит нас к выводу: вплетение в канву анализа теневой экономики ценностных критериев и оценочных суждений чревато опасностью попасть в разлом двух разъезжающихся аналитических конструкций: первая апеллирует к институциональным нормам общества, вторая сводится к оценке действий в континууме "оправдано — порицаемо"¹⁴.

Под нерегистрируемым предпринимательством мы понимаем предпринимательскую деятельность, цели которой вполне приемлемы, не законны лишь средства. Соответственно, эти виды деятельности имеют аналоги в легальном экономическом пространстве. Деятельность, незаконная не только по средствам, но и по целям и, соответственно, не имеющая аналогов в публичном мире, является не теневой, а криминальной¹⁵. Криминальное предпринимательство не входит в орбиту нашего интереса.

Нерегистрируемое предпринимательство состоит из двух качественно разнородных сегментов. *Первый сегмент* представляет мелкое, нерегулярное предпринимательство с чрезвычайно быстрой и хаотичной ротацией своих представителей. Как правило, это — эпизодическая перепродажа купленных на оптовых рынках товаров, реализация продуктов личного подсобного хозяйства, оказание бытовых и репетиционных услуг. Соответственно, преподаватели вузов, безработные челноки и профессиональные дачники — равно полноправные представители этого сегмента. Объединяет их отношение к предпринимательству как к вспомогательному и временному способу преодоления жизненных трудностей. Отсутствие соответствующей регистрации и невыплата налогов не являются результатом сознательного выбора в пользу теневого рынка, поскольку выбор теневой экономической деятельности предполагает рассуждения в континууме "выгодно — невыгодно". В данном же случае стратегически определяющим является континуум "удобно — неудобно", где под неудобством объединены очереди в налоговые службы, непривычность рыночных терминов, территориальная удаленность соответствующих служб и т.д. Заметим, что разговоры о снижении налогового бремени как действенном средстве пополнения армии налогоплательщиков является не более чем финансовой мифологемой применительно к этому сегменту "вольных предпринимателей". Подчеркнем, что данный сегмент конституирует его бессистемность и самодостаточность, под которой понимается принципиальная невстроенность такого предпринимательства в сложные дистрибьютерские сети. Нерегулярность, эпизодичность предпринимательских опытов не создает основы для установления устойчивых канонов взаимодействия его участников и не формирует необходимость выработки незаконной системы правил.

Принципиально иные характеристики *второго сегмента* нерегистрируемого предпринимательства, представленного сетями устойчиво функционирующих предпринимательских практик. Впрочем, разделение между двумя сегментами весьма условно, так как зачастую они представляют собой различные стадии единого процесса. Включение нерегистрируемых предпринимателей в сложные сети совместного бизнеса знаменует переход от предпринимательских дебютов к зрелому этапу внеправового бизнеса. Его участники подчинены уже не интуитивному пониманию ситуации, а сложной *внезаконной системе правил*. Здесь есть деление рыночных зон, работают правила обхождения с новичками, налажены каналы выторговывания лояльности со стороны местных властей, словом, присутствуют все атрибуты регулируемой практики. Но отличие от легального рынка состоит в том, что регулирование идет не извне, а конструируется *самоинициативно* внутри этого мира. Если легальный бизнес оплачивает право находиться под защитой закона, то бизнес

¹⁴ В этом смысле вызывает возражение мнение Г.Клейнера, что "обман государства, по сути, ничем не отличается от обмана покупателя или поставщика" и что "заниматься неформальной деятельностью и сохранить чистую совесть невозможно" (Клейнер Г. Нет тени только у приведенных (о книге "Неформальный сектор экономики") // Вопросы экономики. 1999. №4. С.151, 153). Безусловно, воровать — плохо. Но ситуация, когда "вор у вора дубинку украл", судится в общественном сознании по другой шкале. И в этом смысле мелкое подворовывание у государства трактуется в России, скорее, как ответная реакция на регулярное, широкомасштабное и неприкрытое обворовывание государством своих подданных. Гипертрофированная честность вне всякой связи с социально-экономическим контекстом — удел моральных стойков, чья уникальность вызывает уважение, но не может возводиться в ранг нормы.

¹⁵ Разделение экономики на теневую и криминальную на основе легитимности целей и средств является общепризнанным. Наиболее распространенными формами криминальной экономической деятельности являются производство и сбыт наркотиков, проституция, торговля оружием, а также операции на черном валютном рынке. См.: Feige, Edgar L., The Underground Economies: Tax Evasion and Informal Distortion (Cambridge: Cambridge University Press, 1989).

нелегальный оплачивает расходы по созданию параллельной системы внезаконных регулирующих норм.

С точки зрения обывателя, бабушка с охапкой китайских платков, торгующая на одном и том же месте изо дня в день, — ничем не примечательный эпизод городской жизни. Но смеем уверить, что не самые плохие экономисты и социологи многое отдали бы за право познакомиться с лабиринтами логики этой бабушки.

Уличные торговцы захватывают территории не случайно, а лишь после детальной калькуляции, учитывающей социальную специфику жителей этого района, уровень их притязаний и траектории их каждодневных маршрутов. Выявление доходного места вызывает желание на нем закрепиться. Тем более, что успех первого продавца привлекает других, превращая продавца-одиночку в члена торгового мини-ряда. Подчеркнем, что сам факт закрепления на месте означает, что продавец желает быть узнаваемым, на что завязано не только доверие клиента, но и товарные кредиты поставщиков. Подобная внеправовая концепция "закрепления на месте" делает возможным хозяйственное использование общественного пространства¹⁶. Однако связь продавца и места несовершенна, поскольку временна и нелегальна. Соответственно, над уличными торговцами постоянно висит угроза изгнания. Их ответная тактика часто сводится к посменной торговле для максимально быстрого снятия коммерческой ценности данного места. Желая выйти из игры стремится не просто освободить от своего присутствия доходный участок улицы, а продать его приемнику. Но отсутствие легальных прав на этот участок приводит к невозможности обычной торговой сделки по смене собственника. По сути, речь может идти лишь о продаже наработанной покупательской привычки, то есть о продаже права хозяйственной эксплуатации пространства без всякой гарантии его незыблемости. В этих условиях торговая сделка трансформируется в процедуру представления членам уличного торгового сообщества своего приемника под видом родственника или знакомого, что является своего рода поручительством готовности нового инкорпорированного члена подчиниться неписаной системе правил, установленных в рамках торгового мини-ряда.

Та же логика прослеживается в действиях лиц, регулярно и системно занимающихся оказанием бытовых и репетиционных услуг, частным извозом. Регулярность предпринимательских действий неизбежно подводит к необходимости встраивания в некое правовое пространство, в рамках которого действуют нормы по защите и спецификации прав собственности. Если вхождение в легальное правовое пространство является непозволительной роскошью, то остается альтернативный вариант в виде создания нелегального свода правил. Подобная стратегия решения нормативно-правовых проблем в большинстве случаев менее эффективна, поскольку ее легитимность ограничена кругом непосредственных участников неформальной предпринимательской сети. Ущербность внезаконной системы правил проявляется в возникновении зависимости от членов сообщества, в создании препятствий для развития арендных отношений, в отсутствии инвестиционных стимулов. Пребывание в легальном пространстве имеет высокую цену, но нелегальное пространство — отнюдь не дешевле, просто плата здесь иная: перманентная угроза разгона и отсутствие инвестиционных стимулов ведут к тому, что за пребывание во внезаконном пространстве расплачиваются здоровьем и человеческим капиталом. Не случайно, более удачливые в бизнесе нелегалы перемещаются под крышу закона. Это не означает, что их деятельность отныне не включает теневую компоненту, но это означает, что отныне они могут позволить себе нести издержки по признанию законными их права собственности.

Несмотря на усиление репрессий против нерегистрируемых предпринимателей, становится все очевиднее, что изгнать их с улиц — невозможно. Но можно создать условия для их добровольного исхода, поскольку конечная цель любого нелегала — легализация. При определенном уровне платы за пребывание в легальном мире риск внезаконного положения становится экономически неоправданным.

В условиях, когда право использования возможностей легального пространства доступно не каждому экономически активному субъекту, создается незаконная система правил. Если государство поднимает цену легальной защиты права собственности на недоступный многим уровень и при этом не имеет достаточной силы принуждения, то расширение области нерегистрируемого предпринимательства — легко прогнозируемая закономерность. Таким образом, не маниакальное стремление обойти закон, а высокие барьеры входа в легальное пространство лежат в основе нерегистрируемого предпринимательства, которое, не имея

---

¹⁶ Подобная практика создания связи продавца и места получила название "особых прав собственности" в исследованиях Эрнандо Де Сото (*Эрнандо Де Сото. Иной путь. Невидимая революция в третьем мире.* Пер.с англ. Б.Пинскер. – М.: Catallaxy, 1995. С.107).

возможности защищать свои права собственности в соответствии с законом, создает альтернативную систему внеправовых норм, регулирующих, в некоторой степени, социальные отношения и частично компенсирующие отсутствие правовой защиты. Процесс расширения внезаконного общества неизбежно ведет к сжатию общества подзаконного.

Вместо заключения

Итак, неформальный рынок труда в России представляет собой сложную систему взаимообусловленных стратегий сторон с собственной логикой развития и внезаконной системой правил. Игнорирование институциональных норм общества в области трудоустройства обуславливает затраты по созданию параллельной системы внеправовых норм. С этой точки зрения сокрытие или фальсификация реально существующих отношений найма означает не только уход от налогов, но и существенную трансформацию всей системы отношений между работником и работодателем.

В ситуации неформального рынка труда наиболее выигрышная позиция у работодателей, которые бесконтрактность отношений с работниками сочетают с контрактной системой отношений с государством (регистрация, лицензирование) и рядом других контрагентов (партнерские отношения, банковские обязательства и т.д.). В российских условиях тотальная легальность и тотальная нелегальность – равно ущербны для покупателя рабочей силы. В первом случае работодатель лишается всех бонусов, связанных с существованием теневого рынка труда, во втором — вынужден оплачивать недоверие работника, так как тотальная нелегальность работодателя расценивается продавцом рабочей силы как фактор повышенного риска сделки, что является основанием для дополнительного торга.

Мы не склонны думать, что проблема ухода от налогов сводится к дилемме, государственным или нелегальным инстанциям силового толка достаются некоторые денежные суммы. Гораздо важнее, что неформальный рынок, уворачиваясь от налогового пресса, формирует альтернативную логику взаимодействия его участников. Логика, затрагивающую не только целерациональные, но и ценностные основания поведения экономических субъектов.

Неспособность государства заблокировать или хотя бы уменьшить практику игнорирования института налогообложения является лишь видимой частью более глубокого процесса, а именно – утери государством способности оказывать влияние на ценностные ориентиры экономического поведения граждан.

